

Н. В. Патрочева, Т. В. Пашкова

**ДИАЛЕКТИЗМЫ «HIIMOSTI» И «ХИМИ(О)СТИТЬ»
В КАРЕЛЬСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ:
СРАВНИТЕЛЬНО-ТИПОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

В представленной научной статье затрагивается вопрос происхождения и образования именованных *hiimosti* и *хими(о)стить* в диалектах карельского и русского языков. Исследование проводится в сравнительно-типологическом аспекте с финским языком, поскольку именно в его диалектах зафиксированы фонетические вариации рассматриваемой лексемы, а также с русским языком, так как по мнению финляндских этимологов в карельских диалектизмах *hiimosti* является русскоязычным заимствованием. Ранее исследователи не обращались к данной проблеме на материале карельского языка в сопоставлении с близкородственными и русским языками, что указывает на научную новизну изыскания. В период активной ревитализации миноритарных языков коренных народов исследование лексического строя карельского языка носит актуальный характер. В процессе работы применялись, в дополнение к общенаучным эмпирическим (наблюдение, сравнение, описание) и теоретическим методам исследования (ознакомление с материалом, выдвижение гипотезы, оценка основательности предположения, проверка гипотезы), общелогические методы и конкретизирующие их приёмы (индукция и дедукция, анализ и синтез, обобщение, аналогия, системный и структурный подходы). Исследование выполнено с применением метода функционально-семантического описания, а также этимологического и сопоставительно-типологического методов. Источниками языкового материала служат диалектные словари карельского, русского и финского языков, образцы карельской речи и этимологические словари. Согласно гипотезе авторов статьи, в диалектах собственно карельского и ливвиковского наречий карельского языка лексема *hiimosti* появилась под влиянием финского диалектного *hiima* в значении 'бес, черт', от которого на собственно карельской почве с помощью диминутивного суффикса *-oi* было образовано именное производное. Языковые контакты с карельским населением привели к появлению в некоторых русских диалектах глагола *хими(о)стить*.

Ключевые слова: диалектизмы; карельский язык; русский язык; семантика; словообразование; этимология; номинация; сравнительный анализ.

DOI: 10.35634/2224-9443-2023-17-2-212-220

Введение

В карельском языке выявлено более 400 народных названий болезней (см., например, [Пашкова 2015; Пашкова 2017; Пашкова 2019]), относящихся к разным хронологическим пластам и свидетельствующим о длительной традиции бытования лексем данной тематической группы, в процессе которого контаминировались, переплетались как исконные («свои»), так и воспринятые от соседей («чужие») религиозно-мифологические представления о природе и характере течения недугов.

Многовековое русское соседство отразилось в восприятии целого ряда традиционных русских народных представлений о мире болезней. Так, группу древнерусских и севернорусских заимствований составляют, например, названия *bol'est'i* 'болезнь', *läsimini* 'болезнь, хворь' (кар. *läsie* 'болеть' от древнерусского 'лежать') и др. Перечисленные термины отражают народный взгляд на болезнь, основными составляющими которой являются боль, беда, страдание, «неисправность» организма, лежание в постели.

Для выявления древнейших религиозно-мифологических представлений о причинах появления болезни представляется необходимым привлечь и сопоставить лексический фонд, общий для всех прибалтийско-финских народов, а потому наиболее архаический.

Во-первых, это целая группа названий недугов, выраженных композитами, в которых главный элемент – это *viha* с примарной семантикой 'зло', а другая составная часть выражена словом, указывающим на субъект вредоносного действия (например, *vienviha* 'болезнь, по поверьям, приставшая от воды' букв. 'зло воды', *tuunviha* 'болезнь, по поверьям, приставшая от земли' букв. 'зло земли', *puunviha* 'болезнь, по поверьям, приставшая от дерева' букв. 'зло дерева') (см. подробнее об этом [Пашкова 2019]), или, точнее, на его причину (тот / то, кто / что это

зло причиняет оказывается, согласно древним верованиям, одновременно и причиной недуга, так как на мифологической стадии развития нет еще четкого противопоставления логических категорий субъекта, объекта, каузальности и пр.). Вторую группу составляют наименования, выстроенные по такому же принципу, как и с элементом *viha*, но с определяющим элементом *nenä* имеющим примарное значение ‘нос’ (например, *tečännenu* ‘болезнь, по поверьям, приставшая от леса’ букв. ‘нос леса’, *viennenu* ‘болезнь, по поверьям, приставшая от воды’ букв. ‘нос воды’, *tuulennenu* ‘болезнь, по поверьям, приставшая от ветра’ букв. ‘нос ветра’) (см. подробнее об этом [Astedt 1960]). Третья группа – названия с основным элементом *muahine* (букв. ‘земляной, от земли’) – в названиях кожных поражений – всевозможных сыпей, экзем, чесотки (например, *kylymoahine* ‘экзема (сыпь), по поверьям, приставшая от бани’ букв. ‘банная сыпь’, *tanhutmoahine* ‘болезнь, приставшая от хлева или скотного двора’ букв. ‘хлевная экзема / некая болезнь кожи’) (см. подробнее об этом [Пашкова 2015]). Наконец, четвертую группу составляют названия с основным элементом *hiimosti*, анализ которой представлен в этой статье. Ранее исследователи обращались спорадически к этой проблеме на материале карельского языка. Лингвисты Я. Калима [Kalima 1913; Kalima 1950] и И. Вахрос [Vahros 1963] в своих трудах затрагивают так или иначе происхождение некоторых карельских диалектных форм *hiimosti*. В статье Т. В. Пашковой фрагментарно поднимался вопрос об этимологии именовании *hiimosti* [Пашкова 2017]. В этимологических словарях финского языка представлено происхождение финноязычного наименования *hiimosti*, а также наряду с ним предлагаются вариации других финно-угорских языков [Suomen kielen etymologinen...1978, 73; Suomen sanojen alkuperä 1992, 162].

Лексема *hiimosti* в языковых источниках

В Финляндии лексический материал карельского языка собирался и систематизировался более ста лет. В результате этого труда появился шеститомный словарь карельского языка. Уникальность и значимость этого словаря состоит в содержании огромного количества разноплановой лексики. Этот словарь включает материалы собственно карельского и ливвиковского наречий, собранные и записанные финскими собирателями на территории Карелии еще во второй половине XIX – первой половине XX в. Словарь существует в печатном и электронном формате. Особая ценность электронной версии в том, что в ней есть доступ к отсканированным записям полевых материалов с комментариями собирателей и респондентов [Karjalan kielen sanakirja https://kaino.kotus.fi/cgi-bin/kks/kks_etusivu.cgi]. В упомянутом словаре именование *hiimosti* представлено достаточно широко как отдельная лексическая единица, так и в качестве компонента в составе сложных имен существительных. Рассмотрим эти наименования. Лексема *hiimosti* идентифицируется в двух значениях: 1. разное заболевание (верование) (Вокнаволок, Калевала, Ругозеро); *hiimosti ilmenee jonkinlaisena tautina, joka muistuttaa hermosairautta* ‘эта болезнь проявляется как какое-то заболевание, напоминающее заболевание нервной системы’ (Кестеньги); *hiimošti tauti tai vika, joka on tarttunut joko kalmasta, vedestä, metsästä tai tuulesta ihmiseen. Arvalla määrättiin, mikä «hiimosti» oli tarttunut, ja mentiin pyytämään anteeksi metsältä jne.* ‘это болезнь, которая пристаёт или от могилы, воды, леса или ветра к человеку. Гаданием определяли, что за заболевание пристало, и шли просить прощения у леса и т. д.’ (Суйстамо); 2. сильное желание; в контексте далее приведенного примера ‘сильное (хорошее) колдовство (сильные чары)’ *hänel on hiimošti hyvä, sidä miestä pideä varata* ‘он умеет ворожить, колдовать (букв. у него сильное (хорошее) колдовство (сильные чары)), этого мужика надо (стоит) опасаться’ (Суоярви) [Karjalan kielen sanakirja <https://kaino.kotus.fi/cgi-bin/kks/karjala.cgi?a=hiimosti&b=1&ha=hiimosti>].

Целый ряд значений рассматриваемой лексемы в карельском языке указан в словаре Т. Вуорела *Kansanperinteen sanakirja* ‘Словарь народной культуры’: 1) заболевание, напоминающее болезнь нервной системы, которое приставало к человеку от могилы, воды, леса или ветра; 2) продолжительный страх; 3) страх, боязнь, возникший, особенно в том случае, если, посмотрев на труп, сильно испугался; 4) естественная плохая склонность к чему-либо; 5) изъясн крови (другими словами, плохая кровь); 6) сильное желание¹; 7) симптом; 8) привычка [Vuorela 1979, 74]. Для нашего исследования недостаток этого словаря в том, что в нем не обозначена диалектная принадлежность.

¹ Интересно, что, по теории ностратической реконструкции В. М. Иллича-Свитыча, в предполагаемом праязыке, общем для многих евразийских семей, существовало слово **hawa* со значением ‘страстно желать’ [Иллич-

В словаре финских народных верований (*Suomalaisen kansanuskon sanakirja*) трактовка наименования *hiimosti* дается следующим образом: «...on karjalainen nimitys sairaudelle, joka tuli useimmiten pelästymisen takia joko «kalmasta» (kuolemaan liittyivistä asioista, esimerkiksi ruumiin läheisyydestä), vedestä, metsästä tai tuulesta. Sitä luonnehti voimattomuus ja heikkohermoisuus» ‘...карельское название болезни, которая чаще всего происходила от страха перед «болезнью, которая, согласно поверьям, могла пристать от могилы, покойника и др.» (т. е. от того, что имело отношение к смерти, например, от нахождения вблизи умершего человека), или от воды, леса или ветра. Ее симптомами считались слабость (бессилие) и расстройство нервной системы» [Pulkkinen 2016, 58].

Составные наименования, компонентом которых является слово *hiimosti*, обозначают различные заболевания, причиной появления которых, с точки зрения мифологических верований, оказывается некая природная стихия, демоническая, сверхъестественная сила, наносящая вред организму при соприкосновении, контакте с ней: *kalman / hiimosti* (букв. ‘смерти+болезнь’), *vein / hiimosti* (букв. ‘воды+болезнь’), *mečän / hiimosti* (букв. ‘леса+болезнь’), *tuulen / hiimosti* (букв. ‘ветра+болезнь’), *ruumiksen / hiimosti* (букв. ‘трупа / покойника+болезнь’): «jos ihminen pelästyy metsässä esimerkiksi varvun risausta tai karhua, tarttuu mečänhiimošti, jos ruumista pelästyy, tarttuu ruumiksenhiimošti jne» ‘если человек испугается чего-то в лесу, например, хруста ветки или медведя, то к нему пристанет *болезнь от леса*, если покойника испугается, то пристанет *болезнь от трупа / покойника*’ и т.д.’ (Суйстамо) [Karjalan kielen sanakirja 1968, 261; Vuorela 1975, 74].

В «Словаре собственно карельских говоров Карелии» максимально полно охватывается основная лексика и ее говорные варианты собственно карельского наречия (около 22 тыс. лексем), зафиксированные на территории Калевальского, Лоухского, Беломорского, Кемского, Медвежьегорского, Муезерского и Суоярвского р-нов Республики Карелия [Федотова 2009]. Словарь составлен на материалах расшифрованных магнитофонных записей, сделанных сотрудниками ИЯЛИ КарНЦ РАН во второй половине XX в. Издание содержит большое количество фольклорного материала, мифологической лексики, релевантных с точки зрения анализа древних верований. Лексема *hiimosti* упоминается в этом словаре в значении ‘заразная болезнь’ с ареалом бытования: Калевала, Вокнаволоок, Кестеньга [Федотова 2009, 100].

Лексические особенности салминского говора ливвиковского наречия карельского языка нашли отражение в словаре Пекки Похъянвало. На протяжении нескольких лет автор сам собирал материал от носителей карельского языка, издав в 1947 г. карельско-финский словарь [Pohjanvalo 1947]. Помимо словарных статей, в издании содержатся иллюстрации, помогающие понять назначение некоторых предметов, именованные которых упомянуты в словаре. В этом словаре представлено и слово *hiimost’i* в двух лексико-семантических вариантах: 1) ощущение страха; симптом болезни. Jo minä duumaičîn što midätahto rahua minul roiteh, ku moine *hiimost’i* tuli ‘Уже я подумал, что что-то плохое у меня случится, если такой *симптом* появился’; 2) желание, страсть. Minä duumaičîn mikse minul nyugöi moine *hiimost’i* rod’ih kalah ‘Я подумал, почему у меня теперь такая страсть появилась к рыбе’ [Pohjanvalo 1947, 31].

Поскольку диалектные словари карельского языка не содержат лексический материал в полном объеме, нами для представления всех значений слова *hiimosti* были привлечены образцы карельской речи, материалы для которых собирались в ходе полевых экспедиций от носителей карельского языка. Одним из таких источников стали образцы речи беломорских карелов *Vienan kyliä kiertämässä* ‘По деревням Беломорской Карелии’, собранные П. Виртаранта [Virtaranta 1978]. С 1950 г. финский исследователь П. Виртаранта ездил в северную Карелию с целью сбора лексического, фольклорного и этнографического материалов. В одном из интервью жительница д. Костомукша упомянула *hiimošt’i* в значении ‘сверхъестественная (волшебная) сила’: A unissa näyttäyty jotta «sie hyvän virren näytit». On se totta, totta se on hos mi *hiimošt’i*! Mie en tiijä onko vain ei...» ‘А во сне привиделось, что (водяной ей говорит) «ты хорошую свадебную песню исполнила». Это правда, правда это какая-то *сила волшебная / сверхъестественное!* Я не знаю так ли это или нет...’ [Virtaranta 1978, 222].

По данным этимологических словарей финского языка, где широко представлены материалы и других прибалтийско-финских и – шире – финно-угорских языков, карельское наименование *hiimosti* является, однако, русским заимствованием [Suomen kielen etymologinen...1978, 73; Suomen sanojen

Свитыч 1971, 241]. В реконструкциях В. М. Иллич-Свитыча для уральской языковой семьи, к сожалению, нет сколько-нибудь похожего на *hiimosti* (даже с учетом возможных фонетических переходов, чередований) по форме и значению слова [Иллич-Свитыч 1976, 141-143].

alkuperä 1992, 162]. При этом в издании *Suomen kielen etymologinen sanakirja* комментарий о заимствовании из русского языка дан под вопросом [Suomen kielen etymologinen...1978, 73]. Так, в коми языке находим, по данным словаря [Безносикова 2000, 269] целое гнездо слов, предположительно заимствованных из русского языка: *кимѳститны* 'колдовать, ворожить'; *кимѳститчан* 'волшебный, магический'; *кимѳститчѳм* 'колдовство, ворожба'; *кимѳститчыны* 'колдовать, заниматься ворожбой'; *кимѳститчысь* (с пометой «устаравшее») 'колдун, волшебник, ворожея, гадалка'. Морфологическая разветвленность и наличие переносных, развившихся на основе приведенных здесь прямых, смыслов свидетельствует о давности процесса заимствования, если он имел место.

В этимологическом словаре *Suomen sanojen alkuperä* предлагается сравнительная связка ливви-ковского именованья *hiimoi* 'бес, дьявол, черт' (Олонец) и собственно карельского глагола *hiimostie* 'пытаться с помощью колдовства / волшебства повлиять на кого-нибудь или что-нибудь' (Кестеньги) с русскими диалектными наименованиями *химость 'душевная болезнь' и *химостить 'колдовать, заклинать, заговаривать, ворожить' [Suomen sanojen alkuperä 1992, 162]. Примечательно, что в «Словаре областного олонецкого наречия в его бытовом и этнографическом применении» Г. И. Куликовского диалектизм химостить трактуется так же, как и в собственно карельском наречии карельского языка: 'колдовать, портить кого-либо путем чародейства' [Куликовский 1898, 128].

Ранее известный славист Я. Калима трижды рассматривал происхождение лексемы *hiimosti* в финском языке. Впервые он обратился к этому вопросу в статье *Suomen hiimosti*, опубликованной в журнале *Virittäjä* [Kalima 1913]. В ней Я. Калима утверждает, что используемая в финском говоре Кухмонниеми лексема *hiimosti* 'заразная болезнь; чувство страха, страсть, желание; плохое желание' является карельским заимствованием. Он сопоставил финноязычное *hiimosti* с карелоязычным, бытующем в говоре Ювалакши и имеющим значения '1) нагноение [в глазах]; *šilmäššä on riettua* 'в глазах нагноение'; 2) корочка на болячке [Федотова 2009, 509]; 3) плохая заразная болезнь (от воды, леса и др.). Далее Я. Калима [Kalima 1913, 94-95], ссылаясь на словарь В. И. Даля, утверждает, что в карельский язык именование было заимствовано из русского языка, в котором диалектный глагол *химиш(о)стить* в северо-восточных говорах имеет значения 'похищать, красть, воровать; в псковских – ворожить'; в тверских говорах – 'врать, городить чепуху' [Даль 1980, 548]. В 1924 г. Я. Калима вновь возвращается к этимологии ранее рассматриваемого диалектизма. На этот раз в качестве примера исследователь приводит лексему *himošt'i*, употребляемую в ругозерском диалекте в значении 'колдовство, чародейство'. Стоит обратить внимание на то, что в ругозерском диалекте *himošt'i* в первом слоге имеет одну гласную *i*², так что не только семантически, но и по звуковому своему оформлению является гораздо близким толкованиям, указанным в словаре В. Даля для слова *химиш(о)стить*. В дальнейших рассуждениях Я. Калима также упоминается слово *hiimat* 'злые силы, чары, оказавшиеся властными над больным', не являющееся, по его мнению, славянским заимствованием, а значит, и корневая морфема в русском глаголе 'химостить' заимствована из прибалтийско-финских языков. В 1950 г. Я. Калима опубликует научную статью, в которой подвергнет сомнению свои предыдущие изыскания относительно происхождения *hiimosti*. Он обратил внимание на то, что в русском языке суффикс -ость проявляется, как правило, в словах образованных от прилагательных с абстрактным значением³. Поэтому теория о *hiima-* (*hiimat*) является ошибочной. В заключении Калима предположил, что *hiimosti* является самобытным словом, которое заимствовалось в русский язык в качестве бессуффиксного, т.е. непроемного, слова и далее было переосмыслено и оформлено в качестве глагольной лексемы [Kalima 1950, 262-263].

И. Вахрос опроверг теорию Я. Калима. По его мнению, этимологические истоки *hiimosti* видны в салминском диалектном словаре П. Похъянвало в лексеме *hiimoi* 'черт, бес' [Pohjanvalo 1947, 31], которая образована от финского диалектного слова *hiima* посредством диминутивного суффикса -oi. Эквивалент олонецкому *hiimoi* обнаружен в финском говоре Кийхтелюсваары, где *hiimo* также обозначает 'черт, бес'. Если взять во внимание, что северно-русские говоры содержат большое количество заимствованных из соседних прибалтийско-финских языков наименований различных демонов (например, *lèmboj*, *mardùj*, *vérgoj*), то не исключено, что олонецкое *hiimoi* уже было давно известно среди русских Олонецкого района [Vahros 1963, 65].

² Относительно данной фонетической вариации И. Вахрос предполагает, что она указывает на относительную «молодость» этого заимствования [Vahros 1963, 64].

³ Действительно, по наблюдениям историков русского языка, для «имен существительных на -ость значение отвлеченного действия не было характерно» [Феликсов 2022, 128].

Однако, авторы (Э. Итконен, А. Йоки, Р. Пелтола и др.) этимологического словаря *Suomen sanojen alkuperä* предполагают, что из карельского языка наименование было заимствовано в диалекты финского языка [Suomen sanojen alkuperä 1992, 162]. Согласно полученным сведениям из словаря финских говоров *Suomen murteiden sanakirja* лексема *hiimosti*, а также ее фонетические вариации *hiimos* и *hiimusti* распространены в северной и южной части Карелии (области Финляндии), в Туусниеми, Каави, Нильсии и Пуоланке и др. со следующими значениями: 1) страх или боязнь чего-либо; постоянное состояние болезненности или страха, которое, согласно верованиям, вызывается испугом или прикосновением к запретному; 2) желание, страсть к чему-либо [Suomen murteiden sanakirja <http://kaino.kotus.fi/sms/>].

Лексема *хими(о)стить* в языковых источниках

Данные четырехтомного «Этимологического словаря русского языка» свидетельствуют о том, что Макс Фасмер склонялся к поздней, а не первоначальной версии Я. Калима о финском происхождении глагола *хими(о)стить* в северо-восточных и восточных диалектах русского языка: Вероятно, из фин. *hiimat* мн. ‘чары’; см. Калима <...> Можно предположить эволюцию знач. ‘ворожить’ > ‘обманывать’ > ‘воровать’. Ср. также укр. *хіморода* ‘причуда, колдовство’, *хіморобити* ‘колдовать, капризничать, чудить’» [Фасмер 1973, 237].

В «Этимологическом словаре славянских языков» находим реконструированный праславянский корень **хума?* / **хумь?*, но с далеким от интересующей на семантики значением ‘шея’ [Этимологический словарь славянских...1981, 157]⁴, с указанием на бытование в этом лексико-семантическом варианте диалектизма *хима* в курских и брянских говорах; в воронежских и тамбовских говорах фиксируется значение ‘простоватый, глупый’; далее приводится также обнаруженная составителями словаря в картотеках «Псковского областного словаря» и «Словаря русских говоров Карелии» лексема *хімы*, обозначающая ‘лохмы волос’ (признак колдуна или колдуньи) [Левкиевская 1999, 529].

Этимолог Т. В. Горячева [Горячева 2007, 45] прибавляет к этому списку также диалектные белорусские слова *хімора*, *хіморода*, *хімороды* ‘шутки, проделки, выдумки, фокусы’ и фразеологизм *хімороды строіць* ‘не слушаться, капризничать’ и зафиксированный в «Словаре русских народных говоров» как встречающийся в енисейских и забайкальских местностях глагол *похімаститься* ‘почудиться, показаться’. Заметим, что В. И. Даль приводит также *ухимистить* (тверское), *схи-ми(о)стить* (новгородское, псковское, тверское) [Даль 1980, 548]. Эти данные указывают на достаточно широкую географию распространения корня *химиост-* и наличие деривационных нетранспозиционных словообразовательных типов, а следовательно, на достаточно протяженный и во времени процесс освоения слова.

Небезынтересным кажется также анафорическое созвучие (которое, разумеется, не является надежным доказательством этимологического родства), слова *hiimat* с русскими лексемами *хилый* ‘слабый, вялый, болезненный’, *хинь* ‘чепуха, вздор’ и старославянским глаголом *хынити* ‘обманывать, притворяться, прикидываться’ (восходящими к праславянским соответствиям **хуль*, **хунити*, согласно «Этимологическому словарю славянских языков» [Даль 1980, 156-157]), в семантике которых есть ассоциативно-смысловые пересечения с многозначным собственно карельским *hiimosti*.

Обращение к данным «Национального корпуса русского языка» дает только одну репрезентацию – использование глагола в форме прошедшего времени (в реплике персонажа драмы А. Ф. Писемского «Просвещенное время, написанной в 1875 г.: «...он как-нибудь узнает или догадается, что я тут маненько *химостил*, и живой от него не уйдешь!») (<https://ruscorpora.ru/results?search=Cr8BEqUBCqIBEp8BChsKA2xleBIUChLRhdC40LzQvtGB0YLQuNGC0YwKCgoEZm9ybRiCCgAKRQoFZ3JhbW0SPAo6KGluZGljIHwgaW1wZXIgfCBpbmYpICYgKHByYWVzIHwgZnV0IHwgcHJhZXQpICYgKHBMlHwgaXBmKQoJCgNzZW0SAgoAChUKB3NlbS1tb2QSCgolc2VtfHNlbXgKcwoFZmxhZ3MSAgoAKg4KCAgAEAAoYMiAKIABABTICCAE6AQEwAQ==>) (ср. [Куликовский 1898, 128]).

Заключение

Проведенный с опорой на данные толковых, диалектных и этимологических словарей анализ позволяет прийти к ряду заключений:

1) нормы словообразовательной системы, типология деривационных типов русского языка не позволяют признать лексему *хими(о)стить* производным на русской почве словом; отсутствие на

⁴ Прим.авторов: В «Словаре русских говоров Карелии и сопредельных областей» лексема *хими(о)стить* не обнаружена.

русской почве корня *хим-* в значениях, связанных с концептами «болезнь» либо «колдовство», а также субстантива **хими/ость*, от которого потенциально мог бы быть образован глагол (по аналогии, например с моделью *пакость > пакостить*), вполне уверенно указывает на заимствованный характер глагола в русском языке;

2) формальная и семантическая близость карельского существительного *hiimosti* и глагола *хими(о)стить* не вызывает сомнений; отсутствие меж- и скудость внутривидовых словообразовательных связей диалектного глагола (нет протяженной цепочки дериватов или парадигмы кодериватов, за исключением конфиксального образования *похимоститься* и приставочных *с-/ухимостить*) позволяют предположить недостаточную «освоенность» слова и его проникновение в русскую диалектную систему не ранее XVIII в., когда распространение слова *химостить* могло быть поддержано расширением в русском узусе таких заимствований XVIII в., как *химия*, *химера* (ср. также семантику *химистить* со значением разговорно-просторечного глагола *химичить*); освоению глагола *хими(о)стить* русским языком могло мешать неблагозвучие при потенциальном образовании формы 1 л. ед. ч., если не прибегать к чередованию со [щ] (ср.: *пакостить – пакощу*);

3) очевидно, истоки *hiimosti* следует искать в финском диалектном слове *hiima*, от которого на собственно карельской почве с помощью диминутивного суффикса *-oi* было образовано именное производное; языковые контакты с карельским населением привели к появлению в северо-восточных русских диалектах глагола *хими(о)стить* (возможно, повлиявшего в свою очередь на возникновение словообразовательного гнезда в коми-зырянском языке).

ЛИТЕРАТУРА

- Безносикова Л. М., Айбабина Е. А., Коснырева Р. И. Коми-роч кывчукор (Коми-русский словарь) / Отв. ред. Л. М. Безносикова; ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2000. 816 с.
- Горячева Т. В. Восточнославянские этимологии (рус. бим; блр. галялэць; рус. закрумный; блр. вогары; праслав. *хума/*хуть; рус. посѣтиться) // Этимология 2003–2005. М., 2007. С. 37–48.
- Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Москва: Русский язык, 1980. Т. 4. 648 с.
- Иллич-Свитыч В. М. Опыт сравнения ностратических языков (семитохамитский, картвельский, индоевропейский, уральский, дравидийский, алтайский) / Под ред. и с вступ. ст. В. А. Дыбо. М.: Наука, Т. 1. М.: Наука, 1971. 372 с.
- Иллич-Свитыч В. М. Опыт сравнения ностратических языков (семитохамитский, картвельский, индоевропейский, уральский, дравидийский, алтайский). / Под ред. В. А. Дыбо. Т. 2. М.: Наука, 1976. 156 с.
- Левкиевская Е. Е. Колдун // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под общей ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 1999. Т. 2. С. 528–534.
- Пашкова Т. В. Этимология и способы лечения болезни tuahine в понимании карел // Финно-угорский мир. 2015. № 1. С. 47–50.
- Пашкова Т. В. Названия некоторых мифологических заболеваний по данным карельского языка // Финно-угорский мир. 2017. № 3. С. 47–54.
- Пашкова Т. В. Компонент *viha* в карельских народных названиях болезней // Linguistica Uralica. 2019. Vol. 55. № 1. С. 22–25.
- Словарь областного олонецкого наречия в его бытовом и этнографическом применении / собр. на месте и сост. Герман Куликовский. Санкт-Петербург: издание Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук, 1898. 159 с.
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. Москва: Прогресс, 1973. 856 с.
- Федотова В. П., Бойко Т. П. Словарь собственно-карельских говоров Карелии. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2009. 751 с.
- Феликсов С. В. Имена существительные религиозной семантики на –ств(о), –ость и –ние в русском языке XVIII века (на материале лексикографических произведений гражданской печати) // Славянская историческая лексикология и лексикография: сб. науч. трудов / отв. ред. И. А. Малышева, О. А. Старовойтова. Вып. 5. Санкт-Петербург: ИЛИ РАН, 2022. С. 124–149.
- Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / под ред. О. Н. Трубачева. Вып. 8. Москва: Наука, 1981. 257 с.
- Astedt K. Mytologisista nenä-yhdynnäisistä // Kalevalaseuran vuosikirja. 1960. № 40. S. 307–322.
- Kalima J. Pari vähän tunnettua sanaa // Virittäjä. 1950. Vol. 54. S. 262–264.
- Kalima J. Suomen hiimosti // Virittäjä. 1913. Vol. 17. S. 94–96.

- Karjalan kielen sanakirja / Toim. M. Torikka. URL: https://kaino.kotus.fi/cgi-bin/kks/kks_etusivu.cgi
Pohjanvalo P. Salmin murteen sanakirja. Helsinki: SKST, 1947. 426 s.
Pulkkinen R., Lindfors S. Suomalaisen kansanuskon sanakirja. Tallina: Gaudeamus, 2016. 432 s.
Suomen kielen etymologinen sanakirja. Helsinki: SUS, 1978. I. 2293 s.
Suomen murteiden sanakirja. URL: <http://kaino.kotus.fi/sms/>
Suomen sanojen alkuperä. Helsinki: SKS, 1992. I. 486 s.
Vahros I. Kaksi mytologian piiriin kuuluvaa sanaa // *Virittäjä*. 1963. Vol. 67. № 1. S. 62–68.
Virtaranta P. Vienan kylä kiertämässä. Porvoo; Helsinki: WSO, 1978. 700 s.
Vuorela T. Kansanperinteen sanakirja. Porvoo; Helsinki; Juva: WSOY, 1979. 543 s.

Поступила в редакцию 23.01.2023

Патроева Наталья Викторовна

доктор филологических наук, профессор,
ФГБОУ ВО «Петрозаводский государственный университет»
185910, Россия, г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33
E-mail: nvpatr@list.ru

Пашкова Татьяна Владимировна

доктор исторических наук, доцент,
ФГБОУ ВО «Петрозаводский государственный университет»
185910, Россия, г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33
E-mail: tvpashkova05@mail.ru

N. V. Patrojeva, T. V. Pashkova

**DIALECTISMS "HIIMOSTI" AND "HIMI(O)STIT'" IN THE KARELIAN AND RUSSIAN LANGUAGES:
A COMPARATIVE AND TYPOLOGICAL ASPECT**

DOI: 10.35634/2224-9443-2023-17-2-212-220

The presented scientific article addresses the issue of the origin and formation of the names *hiimosti* and *himi(o)stit'* in the dialects of the Karelian and Russian languages. The study is carried out in a comparative typological aspect with the Finnish language, since it is in its dialects that the phonetic variations of the lexeme under consideration are recorded, as well as with the Russian language, since, according to Finnish etymologists, in Karelian dialectisms *hiimosti* is a Russian-language borrowing. Previously, researchers have not addressed this problem on the material of the Karelian language in comparison with closely related and Russian languages, which indicates the scientific novelty of the research. During the period of active revitalization of minority languages of indigenous peoples, the study of the lexical structure of the Karelian language is of current interest. In the process of work, in addition to general scientific empirical (observation, comparison, description) and theoretical research methods (familiarization with the material, hypotheses, assessment of the validity of the assumption, hypothesis testing), general logical methods and methods concretizing them (induction and deduction, analysis and synthesis, generalization, analogy, systemic and structural approaches) were applied. The study was carried out using the method of functional-semantic description, as well as etymological and comparative-typological methods. The sources of language material are dialect dictionaries of the Karelian, Russian and Finnish languages, samples of Karelian speech and etymological dictionaries. According to the hypothesis of the authors of the article, the lexeme *hiimosti* appeared in the dialects of the Karelian proper and Livvik dialects of the Karelian language under the influence of the Finnish dialectal *hiima* meaning 'demon, devil', from which a nominal derivative was formed on Karelian soil proper with the help of the diminutive suffix *-oi*. Linguistic contacts with the Karelian population led to the appearance in some Russian dialects of the verb *himi(o)stit'*.

Keywords: dialectisms; Karelian; Russian language; semantics; word formation; etymology; nomination; comparative analysis.

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2023, vol. 17, issue 2, pp. 212–220. In Russian.

REFERENCES

Beznosikova L. M., Aybabina Ye. A., Kosnyreva R. I. Komi-roch kыvchukör (Komi-russkiy slovar') [Komi-roch kыvchukur (Komi-Russian Dictionary)] / Ed. ed. L.M. Beznosikova; ILLH Komi Scientific Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. Syktyvkar: Komi book. publishing house, 2000. 816 p. In Komi, In Russian.

Goryacheva T. V. Vostochnoslavjanskiye etimologii (rus. bim; blr. galyal'ts; rus. zakrumnyy; blr. vogyari; proslav. *хума/*хум"; rus. posustit'sya) [Eastern Slavic etymologies (Russian bim; blr. galyaléts; rus. zakrumnyi; blr. vogyari; Proslav. *хума/*хумь; rus. posústitsya)]. *Etimologiya 2003–2005* [Etymology 2003–2005]. Moscow, 2007, pp. 37–48. In Russian.

Dal' V. I. *Tolkovyy slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka: v 4 t.* [Explanatory dictionary of the living Great Russian language: in 4 volumes.]. Moscow: Russian language, 1980. T. IV. 648 p.

Illich-Svitych V. M. *Opyt sravneniya nostraticheskikh yazykov (semitokhamitskiy, kartvel'skiy, indoyevropeyskiy, ural'skiy, dravidiyskiy, altayskiy)* [Comparison of Nostratic languages (Semitic-Hamitic, Kartvelian, Indo-European, Uralic, Dravidian, Altai)] / Ed. and with entry. Art. V. A. DYBO. M.: Nauka, T. I. M.: Nauka, 1971. 372 p.

Illich-Svitych V. M. *Opyt sravneniya nostraticheskikh yazykov (semitokhamitskiy, kartvel'skiy, indoyevropeyskiy, ural'skiy, dravidiyskiy, altayskiy)* [Comparison of Nostratic languages (Semitic-Hamitic, Kartvelian, Indo-European, Uralic, Dravidian, Altai)] / Ed. V. A. DYBO. M.: Nauka, T. II. M.: Nauka, 1976. 156 p.

Levkiyevskaya Ye. Ye. *Koldun [Sorcerer] // Slavic Antiquities. Ethnolinguistic Dictionary* / Ed. N. I. Tolstoy. M.: International relations, 1999. T. 2. pp. 528–534.

Pashkova T. V. *Komponent viha v karel'skikh narodnykh nazvaniyakh bolezney* [The viha component in the Karelian folk names of diseases]. *Linguistica Uralica* [Linguistica Uralica], 2019, V.55, №.1, pp. 22–25. In Russian.

Pashkova T. V. *Nazvaniya nekotorykh mifologicheskikh zabozevaniy po dannym karel'skogo yazyka* [Names of some mythological diseases according to the Karelian language]. *Finno-ugorskiy mir* [Finno-Ugric world], 2017, № 3, pp. 47–54. In Russian.

Pashkova T. V. *Etiologiya i sposoby lecheniya bolezni muahine v ponimanii karel'* [Etiology and methods of treatment of muahine disease in the understanding of Karelians]. *Finno-ugorskiy mir* [Finno-Ugric world], 2015, № 1, pp. 47–50. In Russian.

Fasmer M. *Etimologicheskyy slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [Etymological dictionary of the Russian language: in 4 volumes] // trans. with him. and additional O. N. Trubacheva. Moscow: Progress, 1973. 856 p.

Slovar' oblastnogo olonetskogo narechiya v yego bytovom i etnograficheskom primenenii [Dictionary of the regional Olonets dialect in its everyday and ethnographic application] / Coll. in place and comp. German Kulikovskiy. St. Petersburg: publication of the Department of the Russian Language and Literature of the Imperial Academy of Sciences, 1898, 159 p. In Russian.

Fedotova V. P., Boyko T. P. *Slovar' sobstvenno-karel'skikh govorov Karelii* [Dictionary of proper Karelian dialects of Karelia]. Petrozavodsk: KarRC RAS Publ., 2009. 751 p. In Russian, In Karelian.

Feliksov S. V. *Imena sushchestvuyushchikh mirovykh semanticheskikh na –stv(o), –ost' i –niye na russkom yazyke XVIII veka (na materiale leksikograficheskikh istochnikov gosudarstvennoy pechati)* [Nouns of religious semantics with –st(o), –ost and –nie in the Russian language of the 18th century (on the material of lexicographic works of the civil press)] // *Slavic historical lexicology and lexicography: coll. scientific works* / otv. ed. I. A. Malysheva, O. A. Starovoitova. Issue. 5. St. Petersburg: OR RAN, 2022, pp. 124–149.

Etimologicheskyy slovar' slavyanskikh yazykov. Praslavyanskiy leksicheskiy fond [Etymological dictionary of Slavic languages. Proto-Slavic lexical fund] / ed. O. N. Trubacheva. Issue. 8. Moscow: Nauka, 1981. 257 p.

Astedt K. *Mytologisista nenä-yhdynnäisistä // Kalevalaseuran vuosikirja. Vol. 40. Porvoo; Helsinki: WSOY, 1960, S. 307–322.* In Finnish.

Kalima J. *Pari vähän tunnettua sanaa // Virittäjä. 1950. Vol. 54. S. 262–264.* In Finnish.

Kalima J. *Suomen hiimosti // Virittäjä. 1913. Vol. 17. S. 94–96.* In Finnish.

Karjalan kielen sanakirja / Toim. M. Torikka. URL: https://kaino.kotus.fi/cgi-bin/kks/kks_etusivu.cgi In Finnish, In Karelian.

Pohjanvalo P. *Salmin murteen sanakirja.* Helsinki: SKST, 1947. 426 s. In Finnish, In Karelian.

Pulkkinen R., Lindfors S. *Suomalaisen kansanuskon sanakirja.* Tallina: Gaudeamus, 2016. 432 s. In Finnish.

Suomen kielen etymologinen sanakirja. Helsinki: SUS, 1978. I. 2293 s. In Finnish.

Suomen murteiden sanakirja. URL: <http://kaino.kotus.fi/sms/> In Finnish.

Suomen sanojen alkuperä. Helsinki: SKS, 1992. I. 486 s. In Finnish.

Vahros I. *Kaksi mytologian piiriin kuuluvaa sanaa // Virittäjä. 1963. Vol. 67. № 1. S. 62–68.* In Finnish.

Virtaranta P. *Vienan kylä kiertämässä.* Porvoo; Helsinki: WSOY, 1978. 700 s. In Finnish, In Karelian.

Vuorela T. *Kansanperinteen sanakirja.* Porvoo; Helsinki; Juva: WSOY, 1979. 543 s. In Finnish.

Received 23.01.2023

Patrojeva Natalja Viktorovna,
Doctor of Philology, Professor,
Head of Department of Russian language
Petrozavodsk State University
33, Lenin ave., Petrozavodsk, 185910, Russia,
E-mail: nvpatr@list.ru

Pashkova Tatjana Vladimirovna,
Doctor of History, Associate Professor,
Head of Department of Baltic-Finnic Philology
Petrozavodsk State University
33, Lenin ave., Petrozavodsk, 185910, Russia,
E-mail: tvpashkova05@mail.ru